

В церковной традиции оценки Нестория и его основного антагониста Кирилла Александрийского сложились с однозначной определенностью: Несторий был представлен еретиком, выступавшим против христианской ортодоксии, Кирилл — одним из авторитетнейших правоверных «отцов». В таких характеристиках нет ничего удивительного, если вспомнить, что они основаны преимущественно на сочинениях самого Кирилла и его сторонников в острой идеологической борьбе V столетия. Систематизация немногочисленных фрагментов, сохранившихся от Нестория, и особенно публикация его «Книги Гераклида», известной только в сирийском переводе, привели уже в начале XX в. к попытке пересмотреть место Нестория в истории христианского учения¹. В монографии Л. Шипиони, специально занимавшегося ранее «Книгой Гераклида»², общепринятые оценки как бы вывернуты наизнанку: Несторий выступает сторонником традиционных воззрений, основанных на Библии, развитых каппадокийцами и предвзвешивших концепцию Халкидонского собора, тогда как Кирилл — продолжатель аполинаризма, положивший начало монофиситской ереси. Этому соответствуют и моральные оценки обоих героев: Несторий — прямое подобие Иоанна Златоуста (с. 32, 44, 97, 103), его действия отличает добрая воля (с. 192, 202), он жертва собственной чистоты и неспособности к интригам (с. 246); напротив, Кирилл — безжалостен и нетерпим к иноверцам (с. 100), не допускает возможности диалога с Несторием и не стремится разобраться в богословских исканиях противника (с. 109); его поведение на Эфесском соборе — грубое нарушение норм (с. 211 и сл.). Ему подстать и его сторонники: Мемнон Эфесский, руководствовавший своей враждой к патриарху константинопольскому, Ювеналий Иерусалимский — «честолюбивый интриган» (с. 207); папская курия не разобралась в учении Нестория и представила его сторонником адопционизма и псилантропизма (с. 165). Одна маленькая деталь хорошо подчеркивает отношение Шипиони к обоим группировкам: к началу Эфесского собора опоздали как представители папы Целестина, так и сторонник Нестория Иоанн Антиохийский со своими епископами; однако если опоздание папских легатов расценивается как результат политических колебаний Целестина, поддерживавшего Кирилла (с. 200), то задержка антиохийского патриарха — естественный результат удаленности его диоцеза от Эфеса (с. 209).

Несмотря на некоторую полемическую заостренность, приводящую кое-где к смешению акцентов, книга Шипиони несравнимо ближе к действительности, нежели традиционная оценка оппозиции Нестория и Кирилла. Две методические особенности монографии приковывают к себе внимание прежде всего. Во-первых, автор рассматривает позицию Нестория в развитии, обусловленном изменением церковно-политической ситуации: от его первого выступления в Константинополе с подчеркиванием сотериологических и этических функций образа Христа — Нового Адама (с. 44) к метафизическому истолкованию «единства» Христа (с. 397 и сл.). Такое понимание учения Нестория в развитии позволяет Шипиони по-новому объяснить различие между первой и второй частью «Книги Гераклида»: он полемизирует с Л. Абрамовским (см. прим. 1), видевшим в первой части «Книги» неаутентичное, позднее сочинение, и рассматривает эту первую часть как произведение, выражавшее относительно ранние воззрения Нестория (с. 360). Во-вторых, и это, пожалуй, еще более существенно, Шипиони подчеркивает необходимость рассматривать учение Нестория в сопоставлении с конкретным идеологическим движением его времени, и прежде всего с аполинаризмом и с концепцией Кирилла. Посмотрим, к каким результатам приводит этот метод, если ввести в него некоторые коррективы и, главное, отказаться от квалификационных оценок («ересь» или «ортодоксия») той или иной точки зрения.

К концу IV в. тринитарные споры в собственном смысле слова уже отгремели, и на передний план выдвинулась проблема человеческого и божественного в Христе. С точки зрения аполинаристов, слияние двух природ должно было привести к поглощению человеческой природы божественной: в Христе человеческое начало растворилось в божественном, он был богом от рождения и его мать «богородицей», и следовательно, пострадавшим и распятым оказывалось божество. В такой схеме, собственно говоря, исчезало понятие человеческого и рассматривалось не соотношение бог—человек, но иное соотношение бог—плоть. Египетский крестьянин Кирилл воспринял не строгую логику аполинаристов, но конечный результат их рассуждений — наличие в Христе «одной природы». Шипиони не ставит этого вопроса, но трудно отказаться от мысли, что традиционные египетские мифы об умирающем и воскресающем божестве не оказали влияния на приверженность Кирилла и его египетских сторонников к предомофиситскому учению. Однако с точки зрения христианской сотериологии монофиситская концепция имела существенную слабость: снимая челове-

¹ Loofs F. Nestorius and his Place in the History of Christian Doctrine. Cambridge, 1914. Ср. Abramowski L. Untersuchungen zum Liber Heraclidis des Nestorius. Louvain, 1963.

² Scipioni L. I. Ricerche sulla cristologia del «Libro del Eraclide» di Nestorio. Friburgo i. S., 1956.

ческое начало в Христе, она как бы отказывалась от активной акции самого человека в процессе спасения. Именно это обстоятельство, как настоятельно подчеркивает Шипиони, и было использовано Несторием: подобно тому, как прегрешение первого человека, Адама, породило разрыв человечества с богом и смерть, Новый Адам, Христос, примиряет бога с человеком и обеспечивает спасение. Будучи не просто человекообразной плотью бога, но «совершенным человеком», Христос знаменует активное начало человека. Шипиони лишь мимоходом упоминает пелагиан (с. 149, 234), — однако при всем различии пелагианства и несторианства, коренное обстоятельство роднило их: и то, и другое учение ставило акцент на свободной человеческой воле, на человеческой активности.

Слабости конструкции Нестория, естественно, были использованы его противниками. На первый план были выдвинуты два момента: отрицание Несторием эпитета «богородица» (Несторий в анти-аполлинаристском рвении предложил именовать Марию «христородицей», не утя, насколько укоренился культ Марии в широких слоях населения) и признание Несторием двух Христов. Отстаивая мысль об «ортодоксальности» Нестория, Шипиони утверждает, что спор об эпитетах Марии не имел существенного значения для его концепции (с. 70, 183), а что касается тезиса о признании Христа (одного Христа) простым человеком — то это клевета или непонимание его противников (с. 86 и сл.). Несомненно, противники Нестория многое искажали в его концепции, искажали подчас тенденциозно. Несомненно, что Несторий никогда не отказывался и не мог отказаться от признания божественного начала в Христе. Несомненно, что он бился над тем, чтобы найти формулу, позволяющую объяснить существование двух природ в одной ипостаси. Но при этом его противники были правы в одном: как и пелагиане, Несторий придал «человеческому» большее значение, чем это могла допустить торжествующая христианская церковь.

В ожесточенной борьбе, где идеологические моменты отчетливо переплетались с политическими, Кирилл действительно проявил себя беззащитным и ловким дипломатом. Он сумел добиться в конечном счете санкции императорской власти, хотя на первый взгляд казалось, что Феодосий склонен поддерживать Нестория (правда, надо обратить внимание на такое странное обстоятельство, что император собирает собор в Эфесе, где митрополит Мемнон и большинство населения враждебно по отношению к Несторию; затем он созывает совещание представителей обеих группировок — опять-таки не в Константинополе, где Несторий мог рассчитывать на поддержку, но в Халкидоне, где епископ Евлалий поддерживал Кирилла). Он сумел обеспечить себе союз с римским престолом. Но это еще не значит, что Несторий был «невинной овечкой» и чистым богословом, думавшим исключительно о разработке теологических вопросов. Хорошо известны слова Нестория — и Шипиони цитирует их (с. 30), — обещавшего императору поддержку, если тот расправится с еретиками. Однако чрезвычайно показательны — и в этом также проявляется важность «проблемы Нестория», — как побеждавшая церковь умела использовать формулировки тех, кого объявляла еретиками, и как, наоборот, умела закрывать глаза на «еретические» суждения тех, кто подобно Кириллу Александрийскому достиг успеха и стяжал себе славу поборника православия.

А. К.

C. F o s s. *Byzantine and Turkish Sardis*. Harvard University Press, 1976, XVIII + 216 p.

Книга молодого американского археолога К. Фосса о Сардах имеет двойное значение. Прежде всего, это первая монография по истории собственно византийского города, основанная на совокупном изучении памятников письменности и материальной культуры. Даже о таких городах, как Афины, Коринф или Эфес, где раскопки ведутся уже многие годы, до сих пор нет чего-либо большего, нежели обзорные статьи¹. Несколько лучше обстоит дело с византийскими приграничными городами в Болгарии, на Нижнем Дунае, в Крыму или Закавказье: в этой области образцовыми остаются монографии А. Л. Якобсона о средневековом Херсоне². Хотя судьба приграничных

¹ Работа *Gregorovius F. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, I—II*. Stuttgart, 1889, написана задолго до начала археологического изучения Афин. Остальные труды касаются отдельных районов или периодов; см. *Frants A. The Middle Ages in the Athenian Agora*. Princeton, 1961; *Finley J. H. Corinth in the Middle Ages*. — Sp., 7, 1932; *Vetters H. Zum byzantinischen Ephesos*. — *JÖBG*, 15, 1966.

² *Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес*. М.—Л., 1959; *он же. Средневековый Херсонес*. XII—XIV вв. М.—Л., 1950. Из придунайских городов отмечу Пэкуюл луй Соаре; см. *Diaconu P., Vîlceanu D. Păciul lui Soare. Cetatea bizantină, I*. București, 1972. Я оставляю в стороне такие хорошо раскопанные балканские центры, как Стоби или Нове, которые не пережили позднеантичную эпоху; то же самое относится и к большей части римских городов Закавказья (см. например: Великий Питиунт, т. I. Тбилиси, 1975: там жизнь археологически прослеживается лишь до VI в.); средневековые армянские и грузинские центры возникали как новые города; см., например, *Аракелян Б. Города и ремесла в Армении (IX—XIII вв.)*, т. 1—2. Ереван, 1958—1964.